

Противодействие идеологии наркогенной субкультуры среди молодежи

СОВРЕМЕННЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР НАРКОТИЗАЦИИ

Мотивы изучения молодежной субкультуры разнообразны. Кто-то стремится таким образом найти способ улучшения своих отношений с детьми, учениками, соседями. Другие ищут в культуре молодых будущее современной культуры, надеясь оказаться готовыми к грядущим переменам. Многие приходят к ее изучению, желая помочь молодежи в решении проблем. В любом случае очевидна актуальность исследований, помогающих удовлетворить все возможные мотивы. Также, во всех случаях недостаточным оказывается информированность, наличие знаний о различных аспектах молодежной субкультуры. Построение диалога с новым поколением требует разъясняющего и понимающего подхода.

Разнообразным может быть и отношение к объекту изучения. Молодежная субкультура может рассматриваться как богатый источник инноваций и открытий в искусстве, моде, формах досуга; как вариант примитивной массовой культуры, продукт медиа-индустрии; как форма творческой активности молодых, не находящей принятия и поддержки со стороны официальной культуры; как источник опасности для социального и духовного здоровья молодых. Для нашей страны в современной ситуации наиболее актуальным становится последнее. Так, советский и российский ученый в области педагогики А.В. Мудрик указывает на то, что, осуществляя социальное воспитание, педагогам необходимо иметь представление об особенностях и характерных чертах подростково-юношеской субкультуры, что позволит минимизировать её негативное влияние. Одним из возможных аспектов этого «негативного влияния» выступает наркотизация молодежи в субкультурах.

К сожалению, во многих современных субкультурах употребление психоактивных веществ является в большей или меньшей степени значимым атрибутом (элементом), который может выступать как ритуал приобщения к субкультуре, способ идентификации, достижения аутентичности, формой протеста по отношению к остальной культуре и др. Отсюда предмет нашего анализа – молодежная субкультура как фактор наркотизации.

Теории молодежной субкультуры

Для начала обратимся к самому понятию «субкультура». В самом общем виде, субкультура – это некоторая особая (особенная) культура в рамках общей культуры общества. «Особость» субкультуры определяется отличием образующих ее ценностей, норм, культурных форм от принятых в общей культуре. Вместе с тем субкультура неразрывно связана и даже производна от общей культуры. Данная интерпретация удобна для культурологического анализа. Культура общества выступает здесь как единство в многообразии, подчеркивается ее принципиально плюралистический, вариативный характер. Социологи делают акцент на связь субкультуры с определенной социальной группой людей, например, «субкультура – это социальная, этническая или экономическая группа с особым собственным характером в пределах общей культуры общества» (С. Фрис). К сожалению, во многих современных субкультурах употребление психоактивных веществ является в большей или меньшей степени значимым атрибутом (элементом), который может выступать как ритуал приобщения к субкультуре, способ идентификации, достижения аутентичности, формой протеста по отношению к остальной культуре и др.

«Молодежная субкультура» не сразу стала описываться и анализироваться именно как субкультура в данной модели. Ей, можно сказать, отказывали в равноправии с иными субкультурами (этническими, религиозными). Ее феномены длительное время рассматривались как «девиации» (отклонения от норм) и как таковые привлекали внимание в большей степени криминологов, чем культурологов. Собственно начало исследовательских разработок молодежных субкультур связывается с традициями городской этнографии. Оформление собственно научного подхода со своей методологией включенного наблюдения относится к 20-м годам прошлого столетия, когда группа социологов и криминологов из Чикаго начала собирать данные о подростковых уличных бандах и различных девиантных группах. Акцент на исследовании субкультуры девиантных групп молодежи доминировал в течение нескольких десятилетий.

Это связано, по-видимому, с природой основного критерия, определяющего специфику молодежи как группы – возрастом. Как показано в работах российского психолога В.И.Слободчикова, категория возраста не имеет отражательного статуса и смысла, эта категория складывалась и функционировала стихийно и поэтому включала в себя многие культурно-ситуативные смыслы.

Каждый конкретный возраст всегда имеет историю (социокультурные ориентиры) своего возникновения. Возраст специально конструируется в рамках определенной общественной практики и в целях управления этой практикой. Анализ возрастной, поколенческой группы и ее субкультуры, таким образом, должен отличаться от анализа этнических или религиозных общностей (субкультур), прежде всего в отношении механизмов возникновения субкультуры и ее функций.

Существует целый ряд концепций, объясняющих сущность и причины вовлечения молодежи в ту или иную субкультуру. Социопсихологический подход связывал склонность к девиантному поведению в коллективной форме с особенностями подросткового возраста. Во многих направлениях формирование молодежных субкультур и механизмы включения в них рассматривались в контексте социализации.

На раннем этапе исследований акцент делался, главным образом, (используя термин А.В.Мудрика) на молодежь как жертву социализации и формирование субкультур виделось скорее как нарушение механизмов социализации. В исследованиях криминальных молодежных группировок социологами Чикагской школы причину складывания группировок и включения в них подростков видели в неблагоприятии среды, социального окружения, не оставляющей возможности для нормальной социализации.

Американский социолог Роберт Мертон интерпретировал криминальное поведение как следствия разрыва между притязаниями личности и возможностями их реализации в том социальном пространстве, в котором живут молодые люди. Весьма интересные результаты дал функциональный подход. В отличие от тех, кто видел в молодежи социальную проблему, его представители – социологи Т. Парсонс и Ш. Айзенштадт – считали, что все молодежные субкультуры, несмотря на поведение, стиль или сленг, были, в конечном счете, некоторыми адаптивными формами, их существование помогало обществу в целом достигать стабильности, и с этой точки зрения они были социально значимыми и положительными. Культурно-исторический анализ, проведенный в рамках

данного подхода выявил различия в процессах перехода детей во взрослый статус. В традиционном обществе окончание детства отмечалось ритуалом или празднованием, что, по сути, означало, что подросток занял аутентичное место во взрослом обществе. В современных индустриальных обществах, наоборот, роли, представленные в пределах семьи, перестали гармонировать с более широкой социальной системой. Таким образом, идентификация с членами семьи не гарантировала и не обеспечивала достижения полной социальной зрелости и статуса взрослого в социальной системе. Т. Парсонс видел основную функцию молодежной культуры в положительной помощи, которую оказывали молодежные субкультуры процессу тяжелого перехода детей во взрослый статус. По мнению Ш. Айзенштадта, молодежные субкультуры – это период подготовки молодых людей к миру вне семьи. Он считал, что они играли столь важную роль в социализации молодых людей, потому что именно молодежные субкультуры создавали набор ценностей, позиций и поведенческих норм, которые возвращали чувство власти, потерянное молодыми людьми в результате их маргинальной социоэкономической и культурной позиции в современном обществе. Молодежная культура создает пространство, в котором молодые люди могут себя чувствовать полномочными представителями, в то время как, в семье или в школе они чувствовали себя чужими и не имеющими никаких реальных полномочий. Молодежная субкультура обеспечивает чувство стабильности для молодых людей, предоставляя ясный набор ценностей и ролей.

Определяя субкультуру как совокупность специфических социально-психологических признаков, влияющих на стиль жизни и мышление определённых номинальных и реальных групп людей и позволяющих им осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они» (остальных представителей социума), А.В.Мудрик рассматривает влияние субкультуры на социализацию детей как специфический механизм социализации, называемый им «стилизованный механизм». Среди признаков субкультуры им выделяются: ценностные ориентации, нормы поведения, взаимодействия и взаимоотношений, предпочитаемые источники информации, мода, жаргон, фольклор.

Английский социолог М. Брейк выделяет следующие функции субкультур для молодежи:

1. Они предлагают решение некоторых структурных проблем молодежи на «магическом» уровне, особенно проблем, созданных внешними противоречиями социоэкономической структуры, которые коллективно переживаются молодежными поколениями. Часто эти проблемы являются частью классовых переживаний – эффектом осознания классовой принадлежности и сопротивления молодежи социально-экономической заданности их будущего.
2. Они предлагают некую новую культуру, из которой можно отобрать значимые культурные элементы, такие как: стиль (моду), досуговые ценности, повседневные идеологии и жизненные стили. Эти элементы способствуют формированию идентичности вне той солидарности, которая предписывается им «соответствующей» (их уровню) работой, семьей и школой.
3. Они есть некая альтернативная форма социальной реальности, которая, конечно же, апробируется в классовой культуре, но опосредуется ближним окружением (соседством) или несуществующей – символической общиной, воспринятой через масс-медиа.

4. Субкультуры предлагают осмысленный, значимый путь жизни в рамках «свободного» времени – в течение досуга, который вынесен за рамки инструментального и скучного мира работы.

5. Субкультуры предлагают новые экзистенциальные дилеммы для принятия индивидуальных решений. В частности, они могут включать использование бриколажа молодежного стиля для конструирования своей идентичности вне школы или работы.

Современные исследования ориентируются на изучение новых форм культурных активностей современной молодежи. Особенное внимание уделяется формам телесного ухода и наслаждения. Эксперименты со своей внешностью осуществляются уже не только через одежду, а через тело: бритье головы, татуировки, нанесение шрамов. Даже употребление наркотиков, рассматривается как своеобразный способ экспериментирования, манипуляции со своей телесностью и чувственностью.

Наркогенная субкультура

Расширяющееся распространение в среде молодежи наркотиков детерминировало становление традиций, «культы» их употребления. Исследователи стали говорить о возникновении феномена «наркогенной субкультуры», отмечая двустороннюю связь: с одной стороны, массовый рост наркотизма способствует дальнейшему развитию и обогащению содержания наркогенной субкультуры, с другой – наркогенная субкультура реализует функцию фундамента для распространения традиций одурманивания в обществе. Как основа наркогенной субкультуры рассматривается «гедонистическое мировоззрение» – система представлений об удовольствии как основной жизненной ценности. Стремление к удовольствию выступает в качестве движущей силы активности индивида. Наркотики по своей биохимической природе, способности вызывать высокоинтенсивные ощущения удовольствия, наслаждения, являются идеальным предметом гедонистической активности. Гедонистические ощущения становятся ведущими при регуляции поведения человека в отношении наркотиков.

Отмечается, что гедонистическое сознание в определенной мере присуще всем детям и подросткам в силу возрастных особенностей их психологического развития. Механизмы волевой, моральной регуляции поведения находятся в стадии формирования. Вместе с тем указывается на растущее влияние гедонистического мировоззрения в среде молодежи, распространение иллюзии возможности легкой жизни без усилий и трудов. Гедонистическое мировоззрение рассматривается как основа формирования идеологии наркотизма, в которой выделяются два уровня: низкий (бытовой) и высший (теоретический). Первый уровень обеспечивает оправдание наркотизации отдельного индивида или социальной группы», безопасности некоторых форм наркотизации, возможности контроля за формированием зависимости и т.д.

В качестве средств легитимации используются утверждения о «практической пользе» определенных наркотиков; о наличии ситуаций, в которых оправдано употребление наркотических веществ; о дифференциации наркотиков на «легкие» и «тяжелые»

Строго говоря – это еще не идеология, а скорее мифология наркотизма, сотканная из разнородных и противоречивых аргументов, легко опровергаемых при критическом подходе (который, однако, не часто встречается у подростков). Собственно идеология наркотизма – феномен более сложный. Ее корни уходят в религиозные практики многих народов мира, где наркотические вещества (растения, грибы) выступали важнейшей составляющей обрядов и мистерий, объектом поклонения и охранения от «чужих», непосвященных.

Современную идеологию наркотизма связывают с именами крупных писателей, философов, антропологов, психологов – Олдасом Хаксли, Карлосом Кастанедой, Тимоти Лири, Рамм Дасс и др. Большинство из них относится к поколению «хиппи», когда молодежь и часть старшего поколения была захвачена волной интереса к эзотерическим и мистическим традициям древнего Востока, Центральной Америки. Сотни молодых людей отправлялись в Индию и Тибет в поисках откровения о смысле жизни. Десятки восточных «гуру» проповедовали в самой Америке (Махараджжи, Ошо).

Концерты «психоделической» (псевдомедитативной, зачастую навеянной наркотиками) музыки собирали тысячи поклонников. На страницах книг описывались опыты путешествий в иных реальностях и субъективном времени,

говорилось о «расширении сознания» и «освобождении духа», необыкновенных возможностях человека, депривированных техногенной цивилизацией, и перспективах новой цивилизации, основанной на гармонии людей, достигших высоких уровней сознания. Кто-то (Дж. Лилли, Т.Лири, С. Гроф) находил все это в новом для того времени ЛСД, другие (К. Кастанеда, Т. Маккена) – в тех самых «священных» растениях и грибах древних и традиционных культур Месоамерики, Северной Европы и т.д. Некоторые просто обретали в героине и кокаине творческий импульс для описания ирреального существования в наркотическом сне себя и сообщества себе подобных (У.Берроуз). В России эти персоналии и их произведения были известны в кругах студенчества и творческой интеллигенции 70–80-х, распространялись через «самиздат», но широкую известность получили лишь в 90-е в связи с изданием их произведений значительными тиражами. То, что пережила Америка и Европа в конце 60-х, 70-х годах (бум эзотеризма, оккультизма, мистицизма), как и многие иные феномены социальной жизни, возник в России с заметным опозданием. С задержкой появились и собственные авторы, предложившие не без таланта приготовленный литературный коктейль из эзотерики и «новорусской» действительности (В. Пелевин). Думается, что не будет преувеличением утверждение о целенаправленной массовой пропаганде в современной России эзотеризма и сопутствующих ему феноменов, пропаганде, адресованной, прежде всего, молодежи (А.В.Надеждин).

Так, по исследованиям, проведенным А.Макиевой, около 15% студентов вузов и старшеклассников знакомы с произведениями классиков эзотеризма. При этом история свидетельствует, что первая массовая вспышка наркомании в Европе была связана с выходом в свет книги Ш.Бодлера «Исповедь курильщика опиума», сразу же завоевавшей большую популярность. Современные исследования НИИ МВД связывают резкий рост потребления наркотиков в первой половине 90-х с потоком публикаций подобной литературы, оживленным обсуждением соответствующих тем в средствах массовой информации, ориентированных на молодежную аудиторию. Речь не идет о новой идеологической диверсии против России. «Россия» здесь – просто новый рынок наркодельцов, а «идеология», в данном случае, – инструмент для формирования рынка. Отсюда возникают реальные сложности в оценке указанных авторов и их произведений. Определение тех же К. Кастанеды и Дж. Моррисона идеологами наркотизма заставляет вспомнить период истории, когда Ницше и Вагнера «записали» в идеологи нацизма. И все же фактически это так, поскольку в поисках «другой реальности», «трансформации сознания», сотни людей ежегодно сталкиваются с реальностью страдания и смерти, а «путь к себе» завершается в клиниках и моргах. Для тех, кто озабочен проблемой употребления молодежью наркотиков, не должно быть принципиальной разницы между «Моментом» и «ЛСД» с точки зрения самых общих последствий их употребления: формирование зависимости и разрушение организма.

Ореол, созданный вокруг «эзотерических» наркотиков, не скроет ужаса повседневной жизни наркоманов. Факт популярности различных компонентов наркогенной субкультуры в молодежной среде рассматривается как тревожный симптом, которому к сожалению не уделяется должного внимания: «Действительно, далеко не каждый подросток, читающий Хаксли или увлеченный рейвом, обязательно попробует наркотик. Однако их освоение является своеобразным способом постепенного вхождения в культуру наркотизма, формирования определенного – "либерального" отношения к проблеме, значительно облегчающего реальное приобщение к одурманиванию».

Заключение

Работа с современными подростками и молодежью требует особой подготовки, которой зачастую недостает педагогическим кадрам. Как отмечают исследователи, «к сожалению, пока очень часто в своей воспитательной работе педагоги ограничиваются лишь доводами типа "пить, курить и т.п. – здоровью вредить", явно проигрывая по уровню осведомленности своим более просвещенным подопечным».

В советское время в исследованиях молодежи преобладали идеи подчеркнута «мажорного» характера. Конструировался образ «строителей светлого будущего», совершенных по своей человеческой природе, с одной стороны, молодежи принадлежало будущее, с другой – она выступала как продолжатель славных традиций отцов и дедов. Идеологии не требовалась наука, отсюда развитие отечественной науки молодежи шло чрезвычайно медленно. Наблюдаемые в действительности «отклонения» от предписанной роли получали опять же не научную, а идеологическую интерпретацию: «жертвы западного влияния», «отщепенцы». Перестройка сделала проблемы молодежи открытыми для анализа и обсуждения.

Однако дальше разделения молодежных групп и культур на «формальные» и «неформальные» дело практически не пошло. До сих пор для многих «авторитетов» в области молодежных проблем все многообразие субкультур сводится к «металлистам» и «рокерам». Инструментарий зарубежных исследовательских школ, парадигмальные сдвиги в изучение феноменов молодежной субкультуры остаются невостребованными и неизвестными большинству специалистов, работающих с молодежью. Подготовка профессионалов в области профилактики употребления наркотических веществ, на наш взгляд, предполагает особенно серьезное изучение молодежных субкультур. Для специалистов по профилактике зависимости от ПАВ знание культуры и субкультуры молодежи выступает не только важным инструментом понимания представителей иного поколения и установления контакта с ними. Как показывает анализ, молодежная субкультура в целом ряде своих аспектов выступает непосредственным фактором наркотизации. С другой стороны, расширяющееся распространение наркотиков привело к возникновению наркогенной субкультуры как особой формы субкультуры, со своими ценностями, ритуалами, стилем, сленгом. Игнорирование или недооценка данного факта может существенно сказаться на эффективности профилактической работы.

В описанной ситуации, знание содержания и механизмов влияния субкультур может выступить значимым средством: групповой и индивидуальной диагностики, анализа ситуации, организации конкретных видов профилактических мероприятий.